

Ганс Христиан
АНДЕРСЕН

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Иллюстрации Ольги Поляковой

#эксмодетство

Москва
2025

УДК 821.113.4-93
ББК 84(4Дан)-44
А65

Андерсен, Ганс Христиан.

А65 Снежная королева / Ганс Христиан Андерсен ; иллюстрации Ольги Поляковой ; [перевод с датского Анны и Петра Ганзен]. — Москва : Эксмо, 2025. — 80 с. : ил.

ISBN 978-5-04-195262-4

Холодная сказка для уютных вечеров расскажет историю Кая и Герды, названных брата и сестры. Однажды Кай попал под воздействие злых чар и был похищен ослепительной Снежной королевой. Отважная девочка Герда не побоялась ни колючих морозов, ни сложных испытаний, чтобы спасти своего братца из ледяных оков.

Текст в переводе Анны и Петра Ганзен.

Иллюстрации современного художника Ольги Поляковой.

УДК 821.113.4-93
ББК 84(4Дан)-44

Hans Christian Andersen
Snedronningen

Title of the original German Edition: Die Schneekönigin

© 2012 gondolino GmbH, Bindlach

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-195262-4

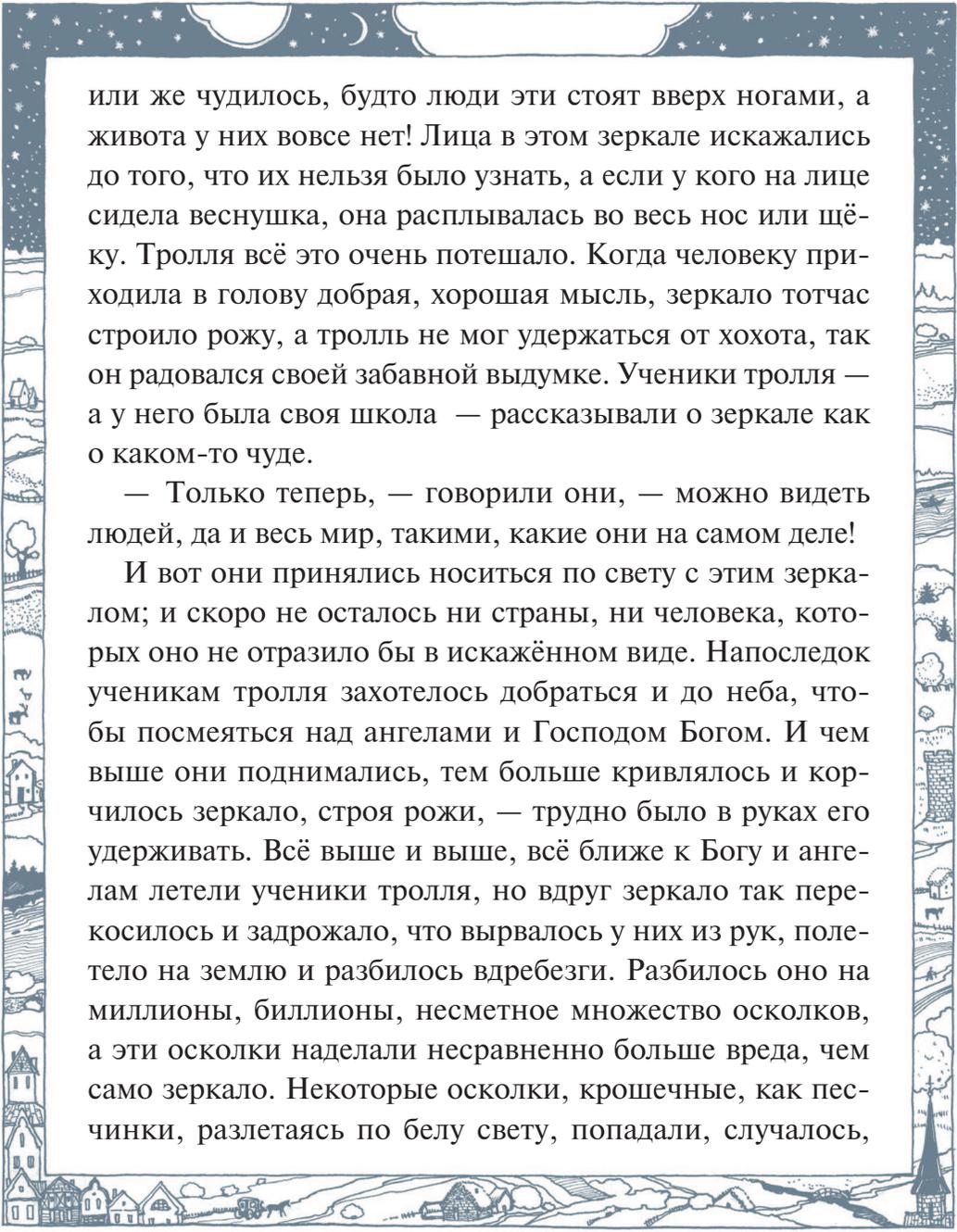

СКАЗКА ПЕРВАЯ, в которой говорится о зеркале и его осколках

у , начнём! Вот дойдём до конца нашей сказки, тогда будем знать больше, чем теперь.

Жил-был тролль, злой-презлой — су-щий дьявол! Как-то раз он был в осо-бенно хорошем настроении, потому что смастерил зеркало, отражаясь в котором всё доброе и прекрасное почти исчезало, а всё плохое и безобраз-ное, напротив, бросалось в глаза и казалось ещё отвра-тительней. Красивейшие виды, отразившись в нём, каза-лись варёным шпинатом, а лучшие из людей — уродами,

или же чудилось, будто люди эти стоят вверх ногами, а живота у них вовсе нет! Лица в этом зеркале искажались до того, что их нельзя было узнать, а если у кого на лице сидела веснушка, она расплывалась во весь нос или щёку. Тролля всё это очень потешало. Когда человеку приходила в голову добрая, хорошая мысль, зеркало тотчас строило рожу, а тролль не мог удержаться от хохота, так он радовался своей забавной выдумке. Ученики тролля — а у него была своя школа — рассказывали о зеркале как о каком-то чуде.

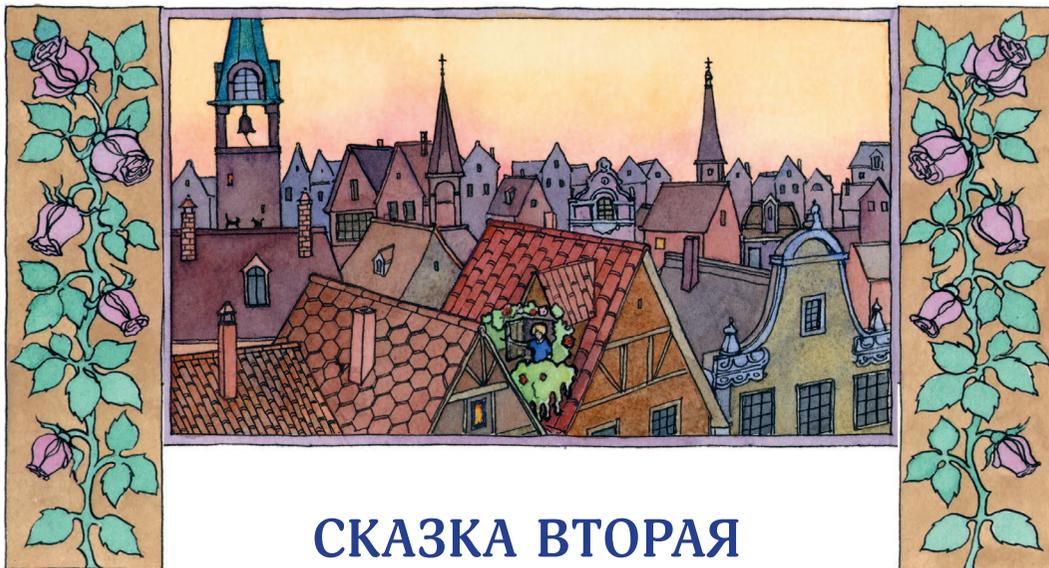
— Только теперь, — говорили они, — можно видеть людей, да и весь мир, такими, какие они на самом деле!

И вот они принялись носиться по свету с этим зеркалом; и скоро не осталось ни страны, ни человека, которых оно не отразило бы в искажённом виде. Напоследок ученикам тролля захотелось добраться и до неба, чтобы посмеяться над ангелами и Господом Богом. И чем выше они поднимались, тем больше кривлялось и корчилось зеркало, строя рожи, — трудно было в руках его удерживать. Всё выше и выше, всё ближе к Богу и ангелам летели ученики тролля, но вдруг зеркало так перекосилось и задрожало, что вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги. Разбилось оно на миллионы, биллионы, несметное множество осколков, а эти осколки наделали несравненно больше вреда, чем само зеркало. Некоторые осколки, крошечные, как песчинки, разлетаясь по белу свету, попадали, случалось,

в глаза людям, да так там и оставались. И вот человек с осколком в глазу начинал видеть всё навыворот или замечать в каждой вещи одни лишь её дурные стороны, потому что в любом осколке сохранились все свойства целого зеркала. Другим людям осколки проникали прямо в сердце — и это было хуже всего: сердце тогда превращалось в кусок льда. Попадались между осколками и такие большие, что ими можно было бы застеклить оконную раму; но в окна с такими «стёклами» не следовало смотреть на своих добрых друзей. Иные осколки были вставлены в очки; но стоило людям надеть эти очки, чтобы лучше видеть вещи и вернее судить о них, как приходила беда. А злой тролль этому радовался и хохотал до рези в животе, словно от шекотки. И много осколков зеркала всё ещё летало по свету. Послушаем же про них.

СКАЗКА ВТОРАЯ

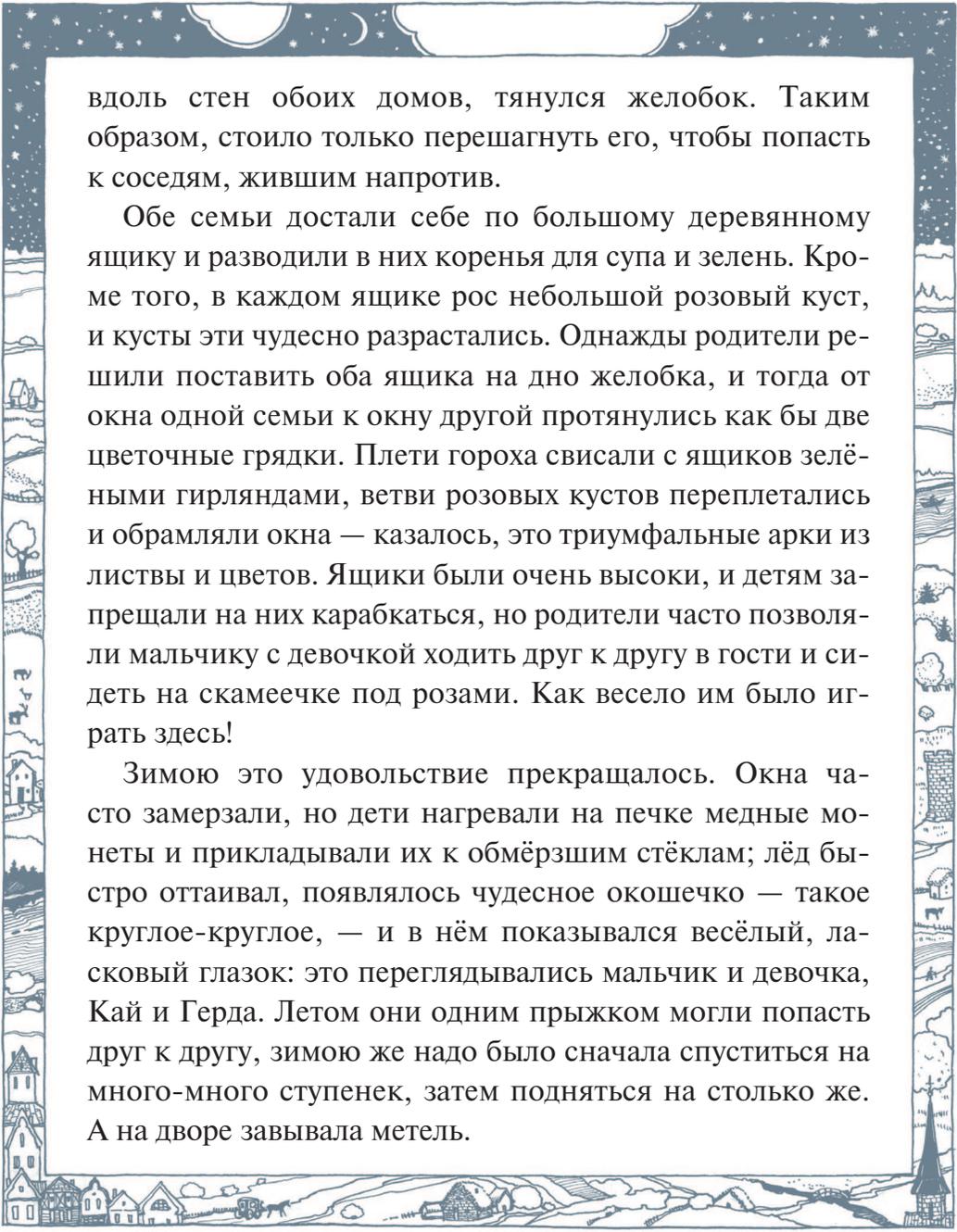
Мальчик и девочка

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем удаётся отгородить себе хоть уголок для садика и где поэтому очень многим приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но их садик был побольше цветочного горшка. Они не были родственниками, но любили друг друга, как брат и сестра.

Родители этих детей жили под самой крышей — в мансардах двух смежных домов, которые стояли так близко друг к другу, что кровли их почти соприкасались. Окна одной семьи смотрели на окна другой, а под окнами,

вдоль стен обоих домов, тянулся желобок. Таким образом, стоило только перешагнуть его, чтобы попасть к соседям, жившим напротив.

Обе семьи достали себе по большому деревянному ящику и разводили в них корни для супа и зелень. Кроме того, в каждом ящике рос небольшой розовый куст, и кусты эти чудесно разрастались. Однажды родители решили поставить оба ящика на дно желобка, и тогда от окна одной семьи к окну другой протянулись как бы две цветочные грядки. Плетви гороха свисали с ящиков зелёными гирляндами, ветви розовых кустов переплетались и обрамляли окна — казалось, это триумфальные арки из листвы и цветов. Ящики были очень высоки, и детям запрещали на них карабкаться, но родители часто позволяли мальчику с девочкой ходить друг к другу в гости и сидеть на скамеечке под розами. Как весело им было играть здесь!

Зимой это удовольствие прекращалось. Окна часто замерзали, но дети нагревали на печке медные монеты и прикладывали их к обмёрзшим стёклам; лёд быстро оттаивал, появлялось чудесное окошечко — такое круглое-круглое, — и в нём показывался весёлый, ласковый глазок: это переглядывались мальчик и девочка, Кай и Герда. Летом они одним прыжком могли попасть друг к другу, зимой же надо было сначала спуститься на много-много ступенек, затем подняться на столько же. А на дворе завывала метель.

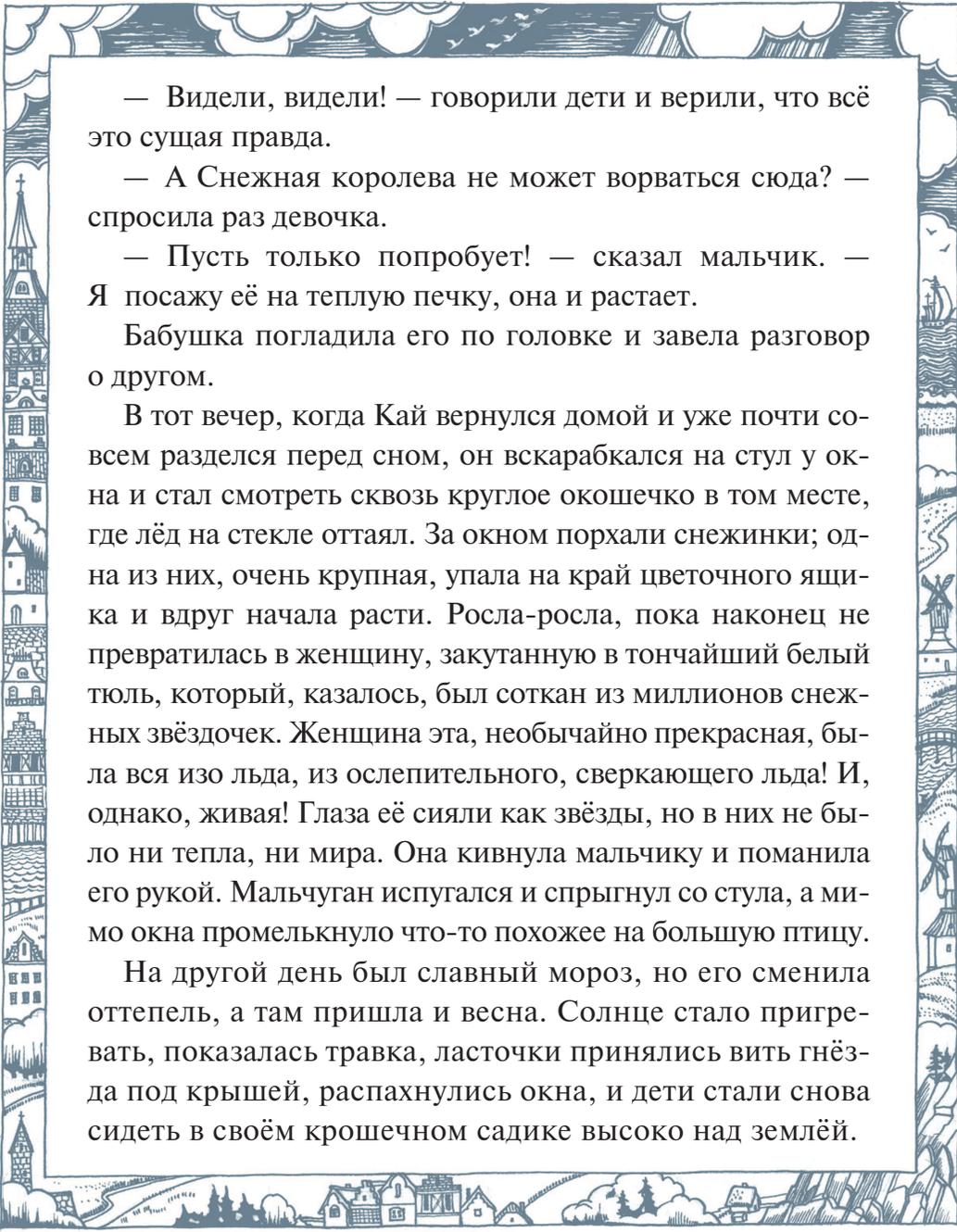

— Это роятся белые пчёлки! — говорила старая бабушка.

— А у них тоже есть королева? — спрашивал мальчик; он знал, что у настоящих пчёл они бывают.

— Есть, — отвечала бабушка. — Она там, где снежный рой всего гуще; только она больше других снежинок и старается поскорее вернуться в чёрную тучу. Часто летает она по городским улицам в полночь и заглядывает в окошки — тогда они покрываются ледяными узорами, словно цветами.

— Видели, видели! — говорили дети и верили, что всё это сушая правда.

— А Снежная королева не может ворваться сюда? — спросила раз девочка.

— Пусть только попробует! — сказал мальчик. — Я посажу её на теплую печку, она и растает.

Бабушка погладила его по головке и завела разговор о другом.

В тот вечер, когда Кай вернулся домой и уже почти совсем разделся перед сном, он вскарабкался на стул у окна и стал смотреть сквозь круглое окошечко в том месте, где лёд на стекле оттаял. За окном порхали снежинки; одна из них, очень крупная, упала на край цветочного ящика и вдруг начала расти. Росла-росла, пока наконец не превратилась в женщину, закутанную в тончайший белый тюль, который, казалось, был соткан из миллионов снежных звёздочек. Женщина эта, необычайно прекрасная, была вся изо льда, из ослепительного, сверкающего льда! И, однако, живая! Глаза её сияли как звёзды, но в них не было ни тепла, ни мира. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуган испугался и спрыгнул со стула, а мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

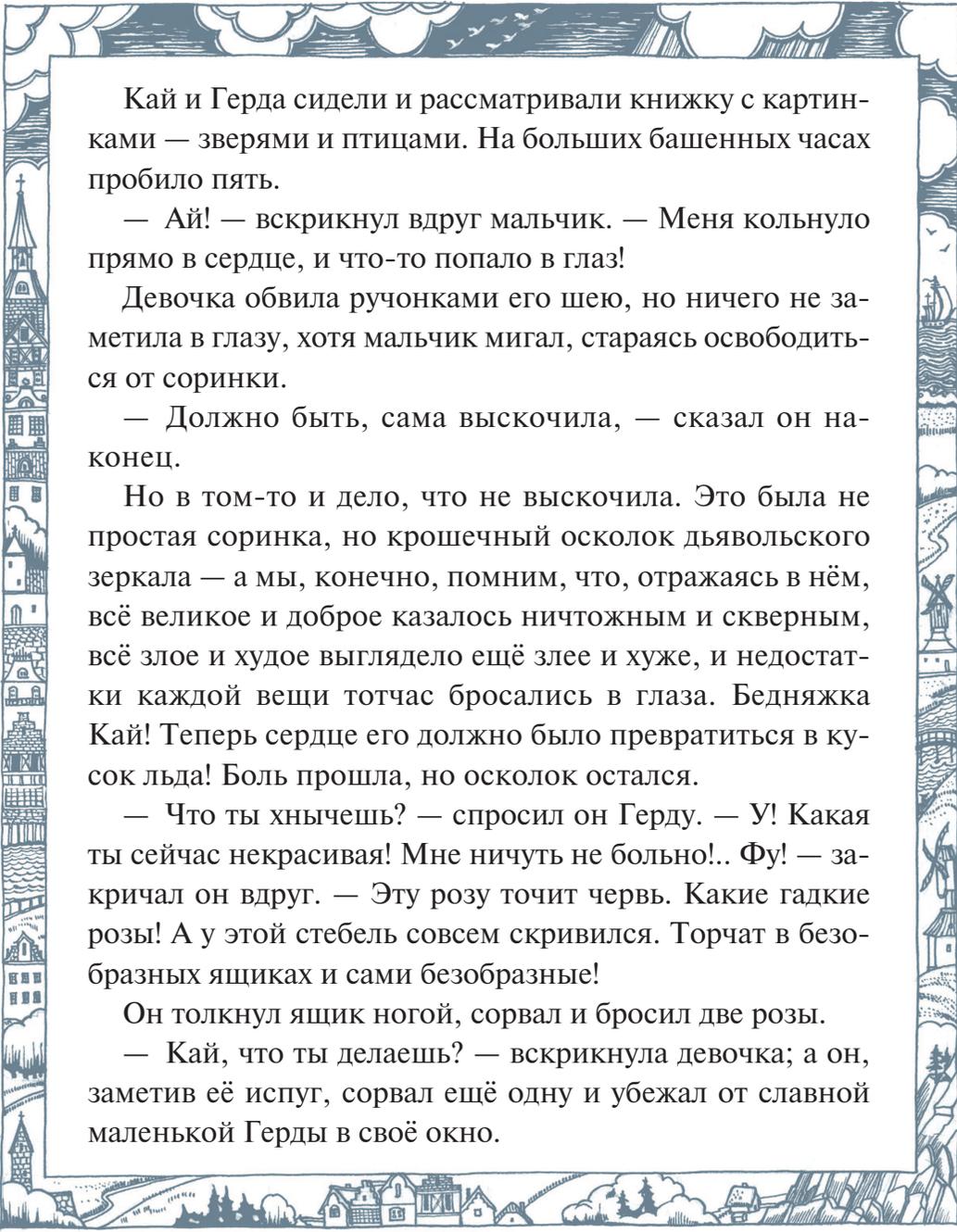
На другой день был славный мороз, но его сменила оттепель, а там пришла и весна. Солнце стало пригревать, показалась травка, ласточки принялись вить гнёзда под крышей, распахнулись окна, и дети стали снова сидеть в своём крошечном садике высоко над землёй.

В то лето розы цвели особенно пышно. Девочка выучила псалом, в котором упоминалось о розах, и, напевая его, она думала про свои розы. Девочка пела псалом мальчику, и он подпевал ей:

Розы цветут... Красота, красота!
Скоро увидим младенца Христа.

Взявшись за руки, дети пели, целовали розы, смотрели на солнечные блики и разговаривали с ними — в этом сиянии им чудился сам младенец Христос. Как прекрасны были эти летние дни, как хорошо было под кустами благоухающих роз — казалось, они никогда не перестанут цвести!

Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с картинками — зверями и птицами. На больших башенных часах пробило пять.

— Ай! — вскрикнул вдруг мальчик. — Меня кольнуло прямо в сердце, и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонками его шею, но ничего не заметила в глазу, хотя мальчик мигал, стараясь освободиться от соринки.

— Должно быть, сама выскочила, — сказал он наконец.

Но в том-то и дело, что не выскочила. Это была не простая соринка, но крошечный осколок дьявольского зеркала — а мы, конечно, помним, что, отражаясь в нём, всё великое и доброе казалось ничтожным и скверным, всё злое и худое выглядело ещё злее и хуже, и недостатки каждой вещи тотчас бросались в глаза. Бедняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться в кусок льда! Боль прошла, но осколок остался.

— Что ты хнычешь? — спросил он Герду. — У! Какая ты сейчас некрасивая! Мне ничуть не больно!.. Фу! — закричал он вдруг. — Эту розу точит червь. Какие гадкие розы! А у этой стебель совсем скривился. Торчат в безобразных ящиках и сами безобразные!

Он толкнул ящик ногой, сорвал и бросил две розы.

— Кай, что ты делаешь? — вскрикнула девочка; а он, заметив её испуг, сорвал ещё одну и убежал от славной маленькой Герды в своё окно.